

Буркова Анна Владимировна

основатель «Наследородие»

г. Москва, Россия, annaburkova.com@yandex.ru

НАСЛЕДОРОДИЕ КАК РЕСУРС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ,
ИСТОРИИ, РЕЛИГИИ И УПРАВЛЕНИЯ: ОБЩНОСТЬ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ
ВОКРУГ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОДА

Аннотация: показано, что наука, история, религия и управление преследуют одну и ту же цель — воспроизводство человечности рода, — используя разные средства. Модель Наследородия и шесть традиционных ценностей рассмотрены как общий ресурс их взаимодействия на уровне государства, общества и семьи. Отдельно обосновано значение живого, непосредственного общения между поколениями как условия, без которого воспроизводство человечности рода невозможно.

Ключевые слова: Наследородие, традиционные ценности, единство целеполагания, род, культура гуманности, человекоцентричный подход, живое общение поколений.

Burkova Anna Vladimirovna

Founder of the Nasledorodie research field,

Moscow, Russia, annaburkova.com@yandex.ru

NASLEDORODIE AS A RESOURCE FOR THE INTERACTION OF SCIENCE,
HISTORY, RELIGION AND GOVERNANCE: UNITY OF PURPOSE
AROUND THE TRADITIONAL VALUES OF THE ROD (LINEAGE)

Abstract: science, history, religion and governance are shown to pursue one and the same goal — the reproduction of the humanity of the lineage — through different means. The Nasledorodie model and six traditional values are treated as a

shared resource for their interaction at the level of the state, society and family. The significance of live, direct communication between generations is separately substantiated as a condition without which the reproduction of the humanity of the lineage is impossible.

Key words: Nasledorodie, traditional values, unity of purpose, rod (lineage), culture of humanity, human-centred approach, live intergenerational communication.

Наука, история, религия и управление традиционно описываются как самостоятельные сферы общественной жизни, и вопрос об их общей цели ставится редко. Между тем ответ на него принципиален: если у этих четырёх сфер есть общее основание, важно установить, в чём оно состоит и как его операционализировать для практики, а не оставлять на уровне общей декларации. П.К. Анохин в теории функциональных систем показал, что причинно-следственные связи в живых и социальных системах организуются не линейно, а вокруг достигаемого результата — системообразующего фактора, который определяет, какие элементы объединяются в систему и в каком порядке [1]. Настоящая статья исходит из того, что для науки, истории, религии и управления таким общим системообразующим результатом выступает воспроизводство человечности рода — устойчивой, из поколения в поколение передаваемой способности оставаться человеком в условиях, которые к этому не всегда располагают. Наука изучает механизмы этой передачи, история фиксирует её успехи и срывы, религия транслирует её ценностное содержание, управление создаёт институциональные условия для её продолжения. Средства различаются; цель остаётся общей.

Понятийным аппаратом, операционализирующим эту общую цель, в настоящей статье выступает Наследородие — научное направление о трансгенерационной передаче, вводящее пятиуровневую цепь Человек — Род — Народ — Природа — Мир как минимальную полную структуру такой передачи [5, 7]. А.А. Богданов в тектологии сформулировал принцип, прямо

применимый к этой цепи: устойчивость любого комплекса определяется не суммой свойств его элементов, а организацией связей между ними [2]. Применительно к взаимодействию науки, истории, религии и управления этот принцип означает: они устойчивы как ресурс совместного действия не тогда, когда каждая из них по отдельности достаточно развита, а тогда, когда между ними организована связь вокруг общего результата. Шесть традиционных ценностей рода — созидательный труд, приоритет духовного над материальным, приоритет добра над злом, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение — рассматриваются далее именно как узлы этой связи, а не как отдельный перечень пожеланий.

Созидательный труд и приоритет духовного над материальным: наука и религия об одном

С.Н. Булгаков в «Философии хозяйства» показал, что труд не сводится к производству благ: он есть форма, в которой человек осмысленно продолжает миротворение, — и потому лишённый духовного основания труд перестаёт быть созидательным в полном смысле слова, оставаясь лишь производительным [3]. М. Вебер, исследуя протестантскую этику, показал тот же тезис с другой стороны: экономически продуктивное поведение целых обществ исторически формировалось не вопреки религиозным представлениям о призвании, а благодаря им [11]. Современная экономика человеческого капитала подтверждает это независимо от религиозного контекста: Д. Зохар и Й. Маршалл определили духовный капитал как ресурс, придающий остальным видам капитала направление, — без него интеллектуальный и финансовый капитал легко конвертируются в статус или потребление, но не создают того осмысленного, созидательного вклада, о котором идёт речь [15]. Наука и религия здесь не конкурируют, а описывают один и тот же механизм на разных языках: труд становится созидательным, когда духовное основание предшествует материальному результату, а не наоборот.

Приоритет добра над злом: история как культура гуманности

Дилемма, знакомая мировой этической мысли, — что перевешивает на чаше исторических весов, жестокость и безнравственность или гуманизм, — получает точную операционализацию в категориях, которые задолго до нынешних формулировок ввёл в оборот И.А. Ефремов: «инферно» как состояние исторического существования, организованного вокруг страдания и взаимного отчуждения, и «прямой луч» как направление исторического движения к большей человечности, которое не гарантировано, но возможно и уже частично реализовано [14]. Близкую по существу дихотомию — «топы жестокости» и «топы гуманизма» как модели, определяющие вектор исторического развития, — разрабатывает В.И. Терентьева, показывая на материале мировых войн и современных международных процессов, что выбор между этими моделями остаётся открытым и требует сознательного культурного усилия [9]. История в этой рамке — не нейтральная хроника событий, а культура гуманности в буквальном смысле: свод накопленного опыта о том, при каких условиях общества скатываются к инферно и при каких выходят на прямой луч. Э. Дюркгейм, изучая элементарные формы религиозной жизни, показал, что религия исторически выполняла именно эту функцию — не объясняла устройство природы, а поддерживала нравственное единство сообщества, задавая границу между тем, что укрепляет коллектив, и тем, что его разрушает [13]. Приоритет добра над злом — поэтому не абстрактный этический постулат, а исторически проверяемый и религиозно закреплённый выбор направления, от которого зависит, в какую сторону движется конкретный род и конкретное общество.

Коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение: род как единица управления ценностями

Три оставшиеся ценности — коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение — эмпирически изучены на уровне рода полнее, чем на уровне отдельного человека или государства, и именно здесь становится видно,

чем управление ценностями отличается от их декларирования. П. Бурдьё определил социальный капитал как ресурс, доступный человеку через устойчивую сеть социальных связей [4], а Р. Патнэм показал его измеримую связь с коллективным благополучием сообществ, не сводимую к сумме индивидуальных доходов их членов [17]: там, где эти связи плотнее, выше и способность сообщества сообща противостоять кризисам, — это и есть коллективизм и взаимопомощь в операциональном, а не декларативном виде. Понятие Родовой Оси, введённое в рамках Наследородия, описывает канал, по которому такая связь удерживается между поколениями одного рода [6, 8]; Живая Летопись Рода — инструмент её осмысленной фиксации, работающий не как архив, а как источник жизнестойкости для тех, кто идёт следом [7, 8].

Взаимоуважение при этом имеет более раннее и более фундаментальное происхождение, чем принято считать в управленческих моделях, апеллирующих к нему как к норме корпоративной этики. М.И. Лисина, изучая онтогенез общения, показала, что потребность в эмоциональном контакте со взрослым возникает у ребёнка раньше речи и предметных действий, а без неё последующие способности, включая способность уважать другого, формируются с нарушениями [16]. П.В. Симонов в информационной теории эмоций показал, что эмоциональная оценка — а не рассудочное решение — направляет последующее поведение и научение [18]. Взаимоуважение нельзя установить управленческим распоряжением там, где не была прежде сформирована способность человека чувствовать и быть услышанным: институциональные модели коллективизма и взаимопомощи устойчивы ровно настолько, насколько устойчиво это более раннее, родовое по происхождению основание.

Точки соприкосновения: где встречаются наука, религия и управление

Вопрос о том, где находятся точки соприкосновения религии, науки и управления в контексте общих целей, получает из изложенного выше не метафорический, а операциональный ответ: точка соприкосновения находится

там, где по-разному называемый результат — духовный рост, спасение, устойчивое развитие, национальная безопасность — на проверку оказывается одной и той же переменной, системообразующим фактором в анохинском смысле [1], а именно устойчивостью человечности рода. Наука фиксирует эту переменную через показатели жизнестойкости, продолжительности жизни и качества социальных связей; религия — через ценностный язык греха, добродетели и спасения; управление — через показатели социальной стабильности и демографической устойчивости. Расхождение языков описания долгое время мешало увидеть, что измеряется, по существу, одно и то же, и порождало ложное впечатление конкуренции между секулярной наукой и религиозной традицией там, где на деле обе стороны описывают разные проекции единой системы, организованной, как показал А.А. Богданов, вокруг связей, а не вокруг отдельных элементов [2].

Из этого вытекает конкретное направление для совместных инициатив на стыке науки, религии и управления. Программы поддержки семьи и раннего развития детей, реализуемые государством, получают дополнительную устойчивость, если их содержательное наполнение согласовано с ценностным языком религиозных традиций региона, а не построено исключительно на административном языке нормативов; исследовательские центры при научных и образовательных организациях получают дополнительный материал, если включают в предмет изучения демографическую статистику наряду с накопленным религиозными и культурными традициями опытом удержания родовой устойчивости в условиях кризисов. Организационно-просветительские проекты, подобные Наследородию, показывают на практике, как формат, изначально независимый от отдельного ведомства, способен служить связующим звеном между тремя сферами: предлагать науке эмпирически проверяемый понятийный аппарат, религии — язык, совместимый со светским образованием, а управлению — критерии оценки семейной и культурной политики, не сводимые к текущим показателям отчётности.

Управление: государство, общество и семья как три уровня одной цели

В.И. Вернадский, создавая учение о биосфере и ноосфере, показал, что человек, общество и природная среда образуют единую систему обмена веществом и энергией, а не сумму независимых объектов, — управленческое решение на любом из уровней этой системы отзывается на всех остальных [12]. Для государства это означает, что политика в отношении семьи, образования и культуры — не отдельная социальная программа, а часть управления тем же самым результатом, ради которого существуют наука и религия: устойчивостью человечности рода. Собственные данные о роли семьи в поддержании социальной стабильности российского общества подтверждают эту связь эмпирически: там, где государственная политика опирается на устойчивость семьи, а не рассматривает её как частное дело граждан, показатели социальной стабильности выше [10]. Для общества это означает, что общественные нормы устойчивы не тогда, когда закреплены нормативно, а тогда, когда опираются на реально действующие родовые механизмы взаимопомощи и взаимоуважения, описанные выше. Для семьи — что она не низшая по значимости ячейка управленческой иерархии, а тот уровень, на котором ежедневно, в конкретных актах заботы и внимания, решается, в какую сторону — инферно или прямого луча — движется род.

Человекоцентричные проекты как условие живого общения между поколениями

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, каким образом единство целеполагания науки, истории, религии и управления транслируется в конкретную практику проектирования социальных инициатив. Человекоцентричный подход — не декларативная формула, а операциональный принцип: программа, институт или технология считаются человекоцентричными не тогда, когда они удобны в администрировании, а тогда, когда они сохраняют и укрепляют способность человека к живому, непосредственному общению — тому типу контакта, который М.И. Лисина

описывала как основу онтогенеза личности [16]. Ускорившаяся за последние десятилетия цифровизация социальных сервисов, образования и семейной коммуникации создаёт риск подмены: опосредованный обмен сообщениями замещает совместное присутствие, в котором формируются эмпатия, доверие и способность к взаимопомощи.

Значение объединения людей в устойчивые сообщества — не только этическая, но и системная характеристика. Как показал А.А. Богданов, устойчивость комплекса определяется организацией связей между его элементами, а не их суммой [2]; применительно к человеческим сообществам это означает, что качество связи — частота, глубина и непосредственность контакта между поколениями — определяет жизнеспособность рода в большей степени, чем количество формальных институтов, призванных эту связь поддерживать. Р. Патнэм эмпирически показал, что сообщества с более плотными горизонтальными связями устойчивее переносят кризисы [17]; это наблюдение справедливо и для связи вертикальной, межпоколенческой: там, где старшие и младшие сохраняют регулярный живой контакт — совместный труд, совместное празднование, устную передачу семейной истории, — молодое поколение получает не просто информацию, а опыт присутствия, который не воспроизводится текстовым или видеообменом в одиночку.

Практическим следствием для проектирования человекоцентричных инициатив — образовательных программ, программ поддержки семьи, культурных и просветительских проектов — становится требование сохранять в их архитектуре пространство для непосредственного, не опосредованного экраном общения между поколениями. Живая Летопись Рода, разрабатываемая в рамках Наследородия, отвечает этому требованию: она фиксирует семейную историю не как архив данных, а как повод для совместного разговора старших и младших, и работает постольку, поскольку инициирует живой контакт, а не заменяет его [7, 8]. Государственные и общественные программы, ориентированные на укрепление рода и передачу традиционных ценностей, получают дополнительный критерий оценки: сохраняют ли они место для

непосредственного человеческого присутствия внутри институциональной формы или полностью переводят взаимодействие в опосредованный, дистанционный формат. Устойчивость человечности рода воспроизводится именно в этом контакте — и наука, история, религия и управление совместно несут ответственность за то, чтобы он не был вытеснен эффективностью процессов, измеряемой исключительно в терминах охвата и масштаба.

Заключение

Наука, история, религия и управление разными средствами решают одну задачу — удержание и умножение человечности рода, — и общность их целеполагания становится ресурсом взаимодействия только тогда, когда за разными языками описания распознаётся общий системообразующий результат. Шесть традиционных ценностей рода не сводятся к перечню пожеланий: созидательный труд и приоритет духовного получают опору в философии хозяйства и в экономике духовного капитала; приоритет добра над злом — в категориях инферно и прямого луча и в социологии религии; коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение — в исследованиях социального капитала и в данных об онтогенезе способности любить. Особое значение в этом ряду имеет живое, непосредственное общение между поколениями: оно не побочный эффект крепкого рода, а то условие, без которого перечисленные ценности не передаются дальше и остаются декларацией. Наследородие как научное направление предлагает понятийный аппарат, способный удерживать эту общность на практике — для государства, общества и семьи одновременно, а не для каждого уровня по отдельности, — и человекоцентричные проекты, сохраняющие пространство живого общения, оказываются здесь не дополнением, а необходимым условием.

Литература

1. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы. — М.: Наука, 1980.
2. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука: в 2 кн. — М.: Экономика, 1989.
3. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. — М.: Наука, 1990.
4. Бурдьё П. Формы капитала // Справочник по теории и исследованиям в социологии образования / под ред. Дж. Ричардсона. — Нью-Йорк: Гринвуд, 1986. — С. 241–258.
5. Буркова А.В., Иванков Е.А. Наследородие как составляющая нематериального культурного наследия // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. — 2025. — № 56 (56).
6. Буркова А.В. Наследородие как основа системного управления преемственностью: научные династии, культурная идентичность и устойчивость в эпоху кризисов // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. — 2025. — № 57 (57).
7. Буркова А.В. Наследородие: духовно-нравственные основы и стратегии формирования родового капитала в условиях современного суверенитета // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. — 2025. — № 58 (58).
8. Буркова А.В. Родовая матрица: духовный суверенитет и стратегия проектирования наследородия в контексте традиционных ценностей // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. — 2025. — № 58 (58).
9. Терентьева В.И. Казнь Христа, отечественные войны – топы жестокости и гуманизма для противостояния в войне на уничтожение // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2026.
10. Буркова А.В. Семья и государство: роль семьи в формировании социальной стабильности современного российского общества // Молодежь и наука XXI века: актуальные теоретические исследования: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. — Пенза, 2025. — С. 218–220.
11. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М.: Прогресс, 1990.

12. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. — М.: Айрис-пресс, 2004.
13. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. — М.: Дело, 2018.
14. Ефремов И.А. Час Быка. — М.: Молодая гвардия, 1970.
15. Зохар Д., Маршалл Й. Духовный капитал: богатство, которым мы можем жить. — Сан-Франциско: Berrett-Koehler, 2004.
16. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. — М.: Педагогика, 1986.
17. Патнэм Р. Боулинг в одиночку: упадок и возрождение американского сообщества. — Нью-Йорк: «Саймон энд Шустер», 2000.
18. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. — М.: Наука, 1981.